

Неисчерпаемая классика

Веч. Ленинград, - 1987, - 2 лав.

Слава сегодняшнего балета немислима без тех имен, что были у всех на устах еще вчера... Кажется, только вчера мы могли «ходить на Дудинскую», с боем брать Кировский, радоваться даже месту в райке, чтобы стоя смотреть «Спящую», «Лебединое»... У каждого поколения зрителей свои любимые артисты, в творчестве которых ярче всего воплощаются художественные идеалы времени. Искусство Натальи Дудинской, которая сегодня у нас в гостях, вошедшее в себя героиню и лирику, исполненное необычайного жизнелюбия, было рождено самим временем и отвечало жажде Прекрасного, обещающей юность наших отцов, нашу собственную юность...

— Какие премьеры вам памяты более всего?

— Каждая остается в памяти как частица моей собственной судьбы, неизъяснимая, неотъемлемая со всеми слагаемыми, будь то печаль или радость, удача или неудача, огорчение или восторг. И все так из предвоенных премьер мне дороже всего «Лауренсия», балет, созданный Вахтангом Чабукяни на музыку Крейна. Мятельный дух моей героини, восставшей против угнетения, оказался родственным моему танцевальному темпераменту тех лет, органично «вселился» в меня. В Перми в эвакуации Константин Михайлович Сергеев принял за свою первую балетмейстерскую работу — «Золушку». Премьера состоялась только после войны, и это было вторжением новой, ярко мажорной тональности. Стихия прокофьевского балета оживила символику старинной французской сказки — вечные понятия Добра и Зла соединились с реальными понятиями жизни и смерти, восторжествовавшего мира. В этом-то и чудо балета — бессловесная речь, если она искренна, правдива, выразительна, способна внушить единство чувств и мыслей.

— Нынче много споров о классике и современности. Находятся те, которые умудряются противопоставить одно другому, как если бы современное образное мышление могло существовать вне классических законов, вне классической основы...

— Эти споры столь же горячи сегодня, сколь и в пору моей юности! Но от сиюминутных поделок тридцатых годов уже ничего не осталось в балете. Если кто и вспоминает

их, то не без улыбки. А классика пережила многих «новаторов», и весь мир продолжает рукоплескать советскому балету, который хранит классику не как музей архаических ценностей, но как непреходящую сокровищницу гармонии.

— В чем вы ощущаете себя преемницей великой Вагановой?

— Быть ученицей Агриппины Яковлевны означало беспрекословно доверять ее интуиции. Это педагог, умевший видеть в каждом из непохожих друг на друга подопечных живую личность со своим талантом, со своим мироощущением и вместе с тем умевший соединить их всех, сделать приверженцами одной веры. Этой верой и была классика. Если я стала любимницей Вагановой, то, наверно, за дочернюю преданность. Да, я обожала ее, как мать, во всем следовала ее советам, наставлениям и еще ни разу об этом не пожалела.

— В умении подчиниться настоящему учителю состоит одно из достоинств настоящего ученика. Судя по вашим нынешним воспитанникам, эта истина не устарела.

— Я сменила Ваганову поначалу в классе совершенствования в Кировском театре и уже многие годы преподаю в школе, которая носит ее имя. Да, я стремлюсь, как и она, разглядеть в моих учениках особый талант и, как она, строго и неотступно веду единую линию. Из моих недавних учениц зрители, вероятно, уже заметили Вику Иванову, которая еще в шестом классе удостоилась диплома на всесоюзном конкурсе, Ирину Шапчик, танцующую в Малом театре оперы и балета, и, конечно же, Маргариту Кулик, лауреата

международного конкурса... Уверенная техника, естественность эмоций, увлеченность танцем, умение жить в нем — вот то, без чего душа не может выразить себя в балете.

— Вы только что вернулись из Югославии. Чем была примечательна эта поездка?

— Уже не первый раз всла там семинары по классике и давала показательные уроки для югославских и других зарубежных артистов. Недавно мы с Константином Михайловичем Сергеевым поставили в городе Нови-Сад «Лебединое озеро». Вообще, интерес к ленинградской школе по-прежнему силен. Мои нынешние семиклассницы недавно приняли участие в фестивале хореографических школ, который был приурочен к 750-летию Берлина...

— Что можно сказать для пропаганды балета в кругах молодежи теперь, когда мы так заботимся о новых формах досуга и эстетическом воспитании вообще?

— Раньше не было ни телевидения, ни таких огромных стадионов и дворцов, но праздности было меньше. Думается, дело не только в многообразии форм досуга, а в необходимости более высокого уровня культуры. Балет как искусство, вбирающее в себя музыку, поэтические сюжеты, живопись, может стать одним из очень сильных средств художественного формирования юной личности. Нужно возродить по-настоящему хорошие хореографические кружки. Нужно чаще устраивать спектакли для юных. Нужно вести в общеобразовательный курс школьных занятий элементы истории искусства, в том числе балета. Воссе обязательно становиться артистом балета, чтобы подарить себе радость танца, красивого, гармонично развивающего и тело, и душу.

— У многих из нас живы в памяти и глаза Королева Лебедей, и ваза принцессы Аврора, и Жизель... Сегодня нетнет и сравнить современную артистку с Дудинской, и тот-

час взгрустнется по добрым старым временам, когда истинная красота образа не измерялась только числом и качеством туров и прыжков.

— Наше поколение не было избаловано зарубежными поездками, хотя я лично как балерина и педагог объездила весь мир, и не однажды. Порой шумная овация американцев или французов воспринимается у нас как яковы самая объективная оценка. На самом деле это далеко от истины. Русские зрители с их огромным опытом восприятия балета, с их вкусом, их умением ценить идейно-эмоциональную суть танца не хуже разбираются в достоинствах и недостатках балетного театра. Нельзя, по-моему, идти на поводу у «лестных» восторгов западного зрителя, иначе можно утратить способность самоконтроля и те лучшие достоинства русского балета, какие формировались, совершенствовались годами, десятилетиями. Техника рискует обернуться трюкачеством. Подчеркнутые

эмоции — вульгарностью. Изломанная пластика — эксцентричностью. Я верую во власть истинно одухотворенного танца, в котором нет места конъюнктурному расчету. В Ленинграде есть свой особый стиль. Его надо беречь. Он — наше достояние, а не разменная монета.

— Что вы хотели бы пожелать в эти дни читателям «Белого Ленинграда»?

— Мира и еще раз мира! В августе 1943 года, в разгар войны, я вырвалась к своим землякам из эвакуации, чтобы станцевать всего несколько фрагментов из русской классики. Я до конца моих дней не забуду этих глаз, устремленных на сцену! Всем городам на свете нужен мир. Но городу, познавшему тяготы блокады, он нужен еще больше.

Беседу вел Юрий ЖДАН

□

На снимке: Наталья Дудинская. Фото А. СОЛОВЬЕВА